

АНВАР ГАФАРОВ

**ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЕ ИСТОКИ СТАНОВЛЕНИЯ
ТАТАРСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)**

Аннотация

Автор в статье рассматривает процессы зарождения идеологии татарского национального движения. Анализ произведений татарских просветителей второй половины XIX в. (Ш. Марджани, Х. Файзханова, Г. Файзханова, К. Насыри, И. Гаспринского и др.), обнаруживает существенную политизацию просветительской литературы и наличие в ней идеологических концептов национально-освободительного толка. Татарское просветительство этого периода стало общественно-политической основой становления и развития национальной идеологии.

Список ключевых слов: татарское просветительство, общественно-политическая мысль, национальное самосознание, национально-освободительная идеология, идеологические течения.

Модернизация традиционного уклада, охватившая исламский мир в XIX в., была продиктована значительным отставанием народов мусульманского Востока от основных тенденций мирового развития. Активная европейская экспансия привела к преодолению традиционного изоляционизма и вовлечению мусульманских стран в структуру международных политических, экономических, культурных связей. Наиболее ранней колониальной аккультурации подверглись народы Российской империи, где интенсивность социокультурных взаимодействий и масштаб этнодемографических изменений были выше, чем где-либо. Поволжские мусульмане раньше других были вынуждены искать пути социокультурной адаптации, выразившиеся в активной

ассимиляции достижений европейской цивилизации. Татарское просветительство, также, явилось в значительной степени результатом подобной ассимиляции.

Ш. Марджани, обозначая доминирующий дискурс, писал: «Когда-то у мусульман были государства, и они обладали могуществом. Ремесло и производство, искусство, знание и просвещение, свобода и справедливость, совершенство и счастье, богатство и торговля были на очень высоком уровне, их влияние распространялось и на востоке, и на западе, их слова были уместны и воспринимались очень серьёзно даже противниками. Однако сегодня ситуация прямо противоположна всему этому, мусульмане глупы и слабы, они нищие, они низко пали... Виновны в этом они сами, а никто иной: они лишены профессий, ремесла, промышленности, **философии борьбы за существование и общественной жизни**» [19, с. 118].

Поиск «философии борьбы» пронизывает труды татарских просветителей второй половины XIX в. (Ш. Марджани, Х. Файзханова, К. Насыри, И. Гаспринского и др.). Знаменитая фраза Марджани «кто ты, если ты не татарин?» до сегодняшнего дня в исторической литературе подаётся в вырванном из контекста виде. Он не просто воззвал к национальному самосознанию, но сделал это в политически заостренной форме. «Некоторые из них («наших соплеменников» - А.Г.) настолько невежественны, что называют себя ногайцами, а когда русские называют их татарами, то они, обижаясь, говорят: «Мы не татары, а мусульмане». Эти люди даже испытывают к этому гордому этнониму «татары» отвращение. Бедняги, как же вы не понимаете, что эти люди ненавидят нас, мы для них враги и если бы у нас не было бы другого названия, то они обязательно, с отвращением называли бы нас мусульманами. Такое же у них (колонизаторов – А.Г.) отношение и к арабам, и к китайцам, и к французам, и к пруссам, и к немцам и т.д. Кто же ты, если ты не татарин?» [7, с.6]. «Чтобы сломить волю татар к сопротивлению, - отмечает Абдуллин Я.Г., - проводники русификаторской политики самодержавия старались внушить им

представление об их нравственной и умственной неполноценности» [1, с. 230]. Призывая подняться с колен, Марджани, прежде всего, обращается к изучению прошлого.

Ш. Марджани и Х. Файзханов, с сожалением констатируют, «что в последние века наши мусульманские ученые не уделяли должного внимания исторической науке» [17, с. 101], в результате «...события прошлого, история правления ханов – все это для нашего народа до сих пор покрыто мраком неизвестности» [16, с. 58]. Повествуя о великом прошлом, Марджани с болью пишет: «большинство народа даже смеет считать, что мы вот так, испокон веков, влачили жалкое существование под пятой Русского государства» [8, с. 3]. Просветители призвали татарских писателей воссоздать великую, но утраченную историю. Они, таким образом, подчеркивали, что историческое знание является основой национального самосознания.

Брошенные зёрна, по-видимому, должны были упасть на благоприятную почву. Не случайно поборник миссионерского просветительства Ильминский Н.И. не без опасения предупреждал, что «татары в их собственных глазах - царственная нация, и что мы никогда не должны забывать это, как бы прекрасно не говорили о лояльности к русским» [14, с. 68]. «Воспоминания древней славы болгарского народа, - вторит Шиле, - как видно, еще не изгладилось совсем из их памяти и слышится в прозвище «бургалрык», которое иногда дают себе казанские татары» [21, с. 7].

Катастрофические последствия падения Казанского ханства для татарских историков - очевидны. Даже «русофил» К. Насыри высказался по этому поводу однозначно: «После завоевания Казанского ханства русскими жить... стало тяжело. Приходилось отдавать подводы, лошадей, терпеть насилие и грабежи» [10, с. 43]. «Пытки, которыми в 1600 годы принуждали мусульман принять христианство, были жестокими: запирали зимой в студёную клеть, бросали нагишом в холодную муку. Многие их не выдерживали и погибали» [10, с. 67]. В целом «после завоевания Казани русскими, - отмечает К. Фаизханов, - наш народ на один-два века находился в подавленном,

угнетённом состоянии...» [18, с. 32]. (Вместе с тем он тут же, не без гордости констатирует, что хотя «мы живём в подчинении русских – христианского народа, однако мы не изменили нашего образа жизни, ни обычаев и традиций, ни языка [18, с. 32].) Впоследствии Губайдуллин вполне определённо выразил общее мнение: причина обеднения татарских крестьян – «продолжение русской колонизации» [4, с. 151].

Естественная идеологизация национальной истории привела к смещению представлений об исторических истоках и критериях национального единства. Несмотря на борьбу изначальных теоретических установок, «именно государственность и религия, а не идея этнических корней образует единство татар» [20, с. 20]. Выступив «предтечей» «татаризма» Марджани, вместе с тем, вплетает эту идейную установку в общетюркское, общемусульманское концептуальное русло. (Идея «татаризма» в конце XIX – начале XX вв. в целом не противоречит ни концептам тюркско-мусульманского единства, ни идее «великого прошлого».) В результате в данный период в татарской научной литературе прочно утверждается концепция мусульманской тюркско-татарской идентичности. Как бы подводя итог несостоявшейся XIX в. дискуссии, Г. Фаизханов писал: «Сегодня все мусульмане, проживающие на территории Казани, Нижнего Новгорода, Рязани, Тамбова, Пензы, Симбирска, Самары, Саратова, Астрахани, Оренбурга, Уфы, Перми, Вятки, и все правоверные, живущие в Крыму, Казахстане, Сибири, а также местное население Самарканда, Хивы, Коканда, Ташкента, Туркестана и половина мусульман Кавказа – все эти перечисленные **народы одной крови и одного племени, дети одного тюркского предка**» [15, с. 13]. Данная установка, так или иначе пронизывающая всю национально-историческую литературу конца XIX – начала XX вв., стала теоретическим обоснованием нарождающейся идеологии «тюркизма». И в более поздний период (в первой четверти XX в.) интерес к данной проблеме, (во многом подогретый идеологической борьбой), не ослабевает. Г. Губайдуллин в работе «Без төрекме, татармы?» («Тюрки мы или татары?», 1918), исходя из идей «тюркизма», пытается доказать, что этноним

«татары» в отношении поволжских тюрков – недоразумение. Соответственно он предлагает самоназвание «тюрк», ведущее к самым глубоким пластам общетюркской древней истории.¹

Интерес к великому прошлому в тюрко-мусульманской среде не ограничивался лишь обществом поволжских или крымских татар. Например, сообщая, что в казахском Приложении к «Акмолинским Областным Ведомостям» начали печатать «сочинение заклятого врага России Вамбери» «Историю Тюрков», Ильминский Н.И. с нескрываемым раздражением писал: «Эта История... для киргизов (имеются в виду казахи – А.Г.), поучившихся в гимназиях и кадетских корпусах, даже университетах, она может послужить источником исторических мечтаний о Чингизах и Тамерланах, как о прямых своих предках, которым рабствовала Россия. Подобные статьи для киргизов и подобных племён совсем неуместны и положительно вредны» [11, с. 322].

Очевидно, для мусульман николаевской России Турция была реальным ориентиром европеизации мусульманского мира. Махмуду II (1808-1839) в 20 – 30-х гг. XIX в. удалось провести ряд прогрессивных реформ, в том числе создать регулярную армию, уничтожить военно-ленную систему, реорганизовать структуру центральных и местных органов власти и т.д. В годы его правления были открыты: Общевойсковое военное училище (за образец для него был взят французский колледж Сан-Сир), военно-медицинское училище, хирургическая школа (впоследствии объединённые в Султанское высшее медицинское училище), Школа юридического просвещения, Школа литературных наук (для подготовки переводчиков) и др. [13, с. 297]. И хотя в проекте реформы мусульманской школы («Ислах мадарис» («Реформа медресе»)) Х. Фаизханов предлагал ориентироваться на пример школ, как России, так и Турции, всё же вдохновляющим образцом модернизации для мусульманских реформаторов были, прежде всего, учебные заведения Стамбула.

¹ Нельзя не сказать, что и в настоящее время периодически обсуждается вопрос о правомерности использования этнонима «татары». Например, Каримуллин А.Г. вслед за Губайдуллиным Г.С. утверждает, что использование данного этнонима в отношении татар Поволжья и Приуралья – историческая ошибка. См: [6].

Ратуя за преподавания русского языка, Х. Фаизханов, исходил из просветительской целесообразности. Вместе с тем, он обращает внимание на куда более прагматичные мотивы. «Мы мусульмане-татары, будучи народом, живущим под властью русского государства, просто вынуждены знать русский язык. Простой народ, проживающий в деревнях, должен знать русский, чтобы понимать все запреты и предписания местных властей, чтобы добиваться справедливости в судах. Также понимать и пользоваться теми новшествами (реформы Александра II – А.Г.), которые вводятся государством для облегчения жизни народа. ...Купцы должны знать русский, и если они понимают, то могут читать газеты, быть в курсе торговых дел, контролировать их. Они также могут в полной мере пользоваться решениями государства, облегчающими их деятельность. ...Имамам также необходимо знать русский, ведь документация Духовного собрания ведётся по-русски. ...Если муллы будут владеть русским языком, то, зная наши цели и задачи, они смогут (в земствах – А.Г.) защищать их» [18, с. 46-47].

Осознавая недостаточность подобной аргументации, Марджани в «Вафият ал-аслаф...» не просто повторяет доводы своего ученика, но заостряет политическую составляющую проблемы, обозначая грань уступок и компромиссов. По поводу преподавания русского языка он, обращаясь к традиционалистски настроенной части мусульманского общества, поясняет: «Хусаин б. Файзханов объяснил..., что это всего лишь средство получить разрешение от правительства, цель – же возрождение утраченных и позабытых наук» [9, с. 92]. «Осуществление подобного (создание нового медресе А.Г.) возможно лишь при согласии и содействии российского государства. Для того, чтобы получить такое согласие и добиться положительного отношения русских к изучению необходимых нашему народу предметов, необходимо ввести хотя бы для определённой части учащихся медресе изучение русского языка и письменности. Ведь наша страна связана с русским государством, постоянно возникает потребность в русском языке и для того, чтобы избежать неприятностей от действующих законов, которые все составлены на этом

языке, его нужно знать. Ведь даже пословица гласит: «Тот, кто изучил язык другого народа, обезопасил себя от его коварства. ...Известно, что государство намерено открыть школы подобного образца. Если это произойдёт, мы ничего не сможем сделать. Их управление будет вестись таким образом, что не принесёт пользы мусульманам, не будет способствовать возрождению их наук, сохранению их чести и возвращению былого расцвета. ...Различные проповедники-епископы и монахи всеми силами стремятся заронить сомнения в души простонародья и сбить их с верного пути. Для этого назначены определенные люди, и государство оказывает им помощь. Но опасность, исходящая от них, во много раз больше той, которой ждали от сторонников нововведений. ...Защита мусульманской веры от нападков неверных и предупреждение мусульман об опасности позволительны и обязательны. Но это можно сделать, только зная язык неверных и читая их книги» [9, с. 90, 91, 93].

В 1883 г. Гаспринскому удалось добиться разрешения на издание газеты «Тарджеман» («Переводчик»), ставшей (1883-1918) общероссийским рупором джадидизма, трибуной пропаганды идей просвещения, либерализма и национального освобождения. Активная издательская деятельность джадидов (периодическая печать и книгоиздательства) способствовали распространению научных знаний, развитию общественно-политической мысли и национального самосознания. «Газета побуждала иных к совершенствованию своих знаний, иных к общественной работе, а иных к литературной, иных к педагогической деятельности, и не прошло десятка лет, как Гаспринский нашёл себе сотни сторонников, которые развивали и распространяли идеи великого учителя» [3, с. 52-53].

Сильное впечатление на российскую общественность оказала победа Турции (в союзе с Англией и Францией) в Крымской войне (1853-1856), успехи реформ Танзимата, а также принятие конституции 1876 г. и т.д. Объективно конституционный успех Турции подталкивал Россию в аналогичном направлении. По мнению Г. Исхаки: «Вступление Турции на путь европеизации в эпоху султана Абдул-Азиза (1861-1876 – А.Г.) оказывает известное влияние и

на новаторов тюрко-татар, культурное сближение которых с либерально настроенным турецким обществом в это время было довольно сильное. В борьбе против старого традиционного быта новаторы тюрко-татары черпали моральную силу в происходящих реформах Турции» [5, с. 39].

Разделяя в целом идеи турецких конституционалистов, Гаспринский также вносит в общеисламскую доктрину тюркские национальные мотивы. «Им были выработан особый стиль турецкого языка, ...при помощи которого Гаспринский мечтал объединить весь тюркский мир. Его вера в осуществление этой мечты была непоколебима. Вера эта поддерживалась и тем фактом, что его газета свободно читалась (людьми, владевшими арабо-турецким литературным языком – А.Г.) как в Крыму, так и в Константинополе, в Ташкенте, в Баку и в Казани» [3, с. 53]. Весьма показательны, что среди подписчиков газеты были многие видные турецкие общественные деятели и представители культуры; в частности философ и социолог Зия Гёкалп, который по праву считается «отцом-основателем» тюркизма.

«Татарская газета «Переводчик» за 8 лет своего существования, отмечал в 1889 г. Ильминский Н.И., - по мнению людей компетентных, вполне обнаружила своё искусство, направлению и тенденцию – соединить миллионы мусульман русских подданных, разделённых временем и племенем, - соединить под знаменем мусульманства рационального и усовершенствованного европейской цивилизацией, пропущенной сквозь турецкую, Константинопольскую призму. ...Люди внимательные и следящие находят в ней (газете – А.Г.) тонкую, последовательно и настойчиво проводимую мысль, неблагоприятную для православного русского государства и общества. Стоит обратить внимание на её сношения и солидарность с киргизским (имеется в виду казахским – А.Г.) особым «Прибавлением». Представьте же себе цепь, связывающую Бахчисарай с Омском и замыкающую всё огромное пространство, населённое разноплеменными мусульманами» [11, с.321-322].

В конце 70-х – начале 80-х годов либеральное, антиколониальное движение потерпело поражение: в Турции в 1878 г. был распущен парламент,

на 30 лет утвердился деспотичный режим Абд ал-Хамида II, в Египте в 1882 г. англичане подавили восстание Ораби-паши. Лидерам либерально-реформаторского движения, аль-Афгани и Абдо пришлось временно покинуть пределы мусульманского мира и выехать в Европу. В этих сложных условиях наряду с парижским еженедельником Афгани и Абдо «ал-Урва ал-Вуска» (Наикрепчайшая связь) духовную связь среди мусульман осуществлял российский «Тарджеман» под редакцией И. Гаспринского. «Его газета издавалась 1-2 раза в неделю в небольшом формате и в небольшом количестве экземпляров, но действие, производимое этим маленьким листком, - как отмечал Д. Валидов, - было в тысячу раз важнее русского «Нового времени» или какого-нибудь английского гиганта, вроде «Таймса» [3, с.52]. К 1912 г. «Тарджеман» имел 5 тыс. подписчиков в России, Египте, Турции, Иране, Индии и других странах.¹

Вместе с тем, правоохранительные органы зафиксируют новые черты национального движения тюрко-татар: «С возникновением специальной панисламистской печати явилось стремление создать общий для всех мусульман тюркский язык, который, будучи понятным, как туркам, так и татарам, может иметь и политическую цель – именно уничтожение перегородок между отдельными турецкими племенами и объединение всех тюрков в один народ и в одну нацию» [12, с. 105]. Идеи исламизма и тюркизма, провозглашенные со страниц «Тарджемана», вскоре станут весьма популярными, найдя большое число сторонников в среде джадидской интеллигенции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллин Я.Г. Татарская просветительская мысль. (Социальная природа и основные проблемы). – Казань: Таткнигиздат, 1976. – 317 с.

¹ Среди них были: Юсуф Акчура, братья Рамиевы, Ахмед-Хади Максуди, Ризаеддин Фахретдин, Ферудин бей Кочерли, Али-Акбар Рефибейли, Нариман Нариманов, Осман Акчокракли, Ахмед Озенбашли, Хасан Сабри Айвазов, Ибрахим Фехли, Фуад Копролю, Зия Гёкалп, Ахмед Мухтар-паша и др. См.: [2, с. 94].

2. Беннигсен А. «Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского движения в России» // Исмаил бей Гаспринский «Россия и Восток».- Казань: Тат. книг. изд-во, 1993.- С. 79-97.
3. Валидов Дж. Очерк истории образованности и литературы у татар (до революции 1917 г.). – М.-П.: Гос. изд-во, 1923.- 107 с.
4. Газиз Г. История татар. – М.: «Московский лицей», 1994 – 190 с.
5. Исхаки Г.Г. Идель-Урал. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1991.- 64 с.
6. Каримуллин А. Татары: этнос и этноним. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1988. – 125 с.
7. Марджани Ш. Извлечение вестей о состоянии Казани и Булгара (Мустафад ал-ахбар фи ахвали Казан ва Булгар). Ч. I. – Казань: «Фэн», 2005. – 255 с.
8. Марджани Ш. О делах, происходивших в ханские времена // Ветры Великих Булгар. Легенды, предания, биты и исторические материалы. – Библиотека журнала «Казань». – № 11–12. – Казань, 1993. – С. 3.
9. Марджани, Шихаб ад-дин. Ваият ал-аслаф ва тахият ал-ахлаф (Подробное о предшественниках и приветствие потомкам). Казань: «Иман», 1999. – 125 с.
- 10.Насыри, Каюм. Избранные произведения. – Казань: Татарское кн. Изд-во, 1977. – 256 с
- 11.Письма Николая Ивановича Ильминского. – Казань: Издание Редакции Православного Собеседника, 1895. – 414 с.
- 12.Приложения // Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России: «Безбожник», 1931. - С.
- 13.Рыжов К.В. Все монархи мира. Мусульманский Восток. XV – XX вв. – М.: «Вече», 2004. – 544 с.
- 14.Тагиров И.Р. Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль – июнь 1917 года). – Казань: КГУ, 1977. – 215 с.
- 15.Фаизханов Г.Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей. Исследование состояния знания, образования, ремесла и предпринимательства у татар России). – Н. Новгород: «Медина», 2006. – 61 с.

16. Фаизханов, Хусаин. История Казани // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. – Н. Новгород: «Медина», 2008. – С.56-69.

17. Фаизханов, Хусаин. Письма // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. – Н. Новгород: «Медина», 2008. – С. 82-106.

18. Фаизханов, Хусаин. Послание (Рисаля) // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. – Н. Новгород: «Медина», 2008. – С. 29-55.

19. Фахретдин, Риза. Хусаин Фаизханов (отрывок из библиографического труда «Асар») // Хусаин Фаизханов. Жизнь и наследие: историко-документальный сборник. – Н. Новгород: «Медина», 2008. – С. 116-121.

20. Хабутдинов А.Ю. Фаизхани и концепции мусульманской государственности у татарских историков XIX - начала XX веков // Фаизхановские чтения. Материалы четвертой ежегодной науч.-практ. конференции: «Фаизхановские чтения». – С. 20-23.

21. Шиле. Казанские татары. Этнографический очерк, Сибирские татары // Природа и люди. – СПб. - 1979. - № 1 (январь). – С. 1-26.

ANVAR GAFAROV

THE ENLIGHTENMENT'S SOURCES OF FORMATION OF THE TATAR NATIONAL IDEOLOGY (AT THE 2nd HALF OF THE XIX CENTURY)

SUMMARY

The article is devoted to the study of processes of Tatar national movement ideology emergence. The author analyses the works of Tatar enlighteners of the 2nd half of the XIX century (Sh. Mardzhani, Kh. Faizkhanov, G. Faizkhanov, I. Gasprinski and others), revealing concepts. The development of national Tatar self-consciousness was reflected in the politization of the Tatar scientific, educational, publicistic literature. Tatar enlightenment of this period became social political base of adaptation, assimilation and thorough revision of national ideological conceptions.

Keywords: Tatar enlightenment, social political thought, national self-consciousness, national-liberation ideology, ideological conceptions.

Гафаров Анвар Айратович (Казань, Россия) – кандидат исторических наук, доцент кафедры политической истории Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина.

E-mail: anvargafarov@mail.ru